

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФАКТОР МЕДИАТИЗАЦИИ

© 2024

А. А. Салиев¹

Статья посвящена анализу влияния медиатизации насильственных действий экстремистских группировок на масштаб вовлечения граждан центральноазиатских республик в эти действия. Актуальность работы продиктована отмечаемым сокращением количества завербованных выходцев из Центральной Азии в ряды экстремистов в сравнении с периодом активности террористической организации Исламского государства (запрещена в РФ) в 2010-х гг. на фоне сворачивания ее присутствия в информационном пространстве при сохранении качества жизни большей части населения региона на прежнем уровне. В статье приводятся аргументы в пользу того, что медиатизация выступает триггером актуализации для отдельных индивидов переживаемых ими личных кризисов, связанных с факторами социальной обструкции и несправедливости, которые приобретают особую значимость в условиях трудовой миграции, поскольку мигранты зачастую лишены традиционной поддержки со стороны семьи и родственников и особо остро реагируют на проблемы с трудоустройством или семейной нереализованностью. В свою очередь, в центральноазиатских странах болевой точкой для отдельных верующих выступает секьюритизация их внешнего вида, который классифицируется как индикатор их приверженности радикальным идеям на фоне распространенной коррупции в государственных органах и лимитированных возможностей улучшения своих жизненных условий. Будучи под влиянием эмоционально окрашенных экстремистских нарративов, апеллирующих к данным проблемам, отдельные индивиды видят в насилии единственный механизм их решения. Исламское вероучение в этом отношении выступает в качестве оправдания этого насилия, что обусловлено двумя факторами. Во-первых, наличие религиозного образования характеризует небольшое количество завербованных и указывает на социально-психологические факторы, способствующие аттрактивности для них экстремистского эмоционального месседжа в противовес осознанному выбору на основе знакомства с религиозной литературой. Во-вторых, результаты проведенных в центральноазиатских странах социологических опросов свидетельствуют о том, что отсутствует общественный запрос на установление теократического государства и четкое представление о том, как последнее должно быть устроено, что коррелирует с низким уровнем террористической активности в регионе.

Ключевые слова: медиатизация, исламизация радикализма, насильственный экстремизм, терроризм, социальная обструкция, социальная несправедливость, Центральная Азия

Для цитирования: Салиев А. А. Актуализация насильственного экстремизма и терроризма в Центральной Азии: фактор медиатизации. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 98–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-098-107

---

¹ Салиев Аман Акылбекович, кандидат исторических наук, директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском славянском университете, Бишкек; a.saliev.77@mail.ru
Aman A. Saliev, PhD (History), Director, Institute for Strategic Analysis and Forecast under Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek; a.saliev.77@mail.ru
ORCID: 0009-0002-8619-5445

ACTUALIZATION OF VIOLENT EXTREMISM IN CENTRAL ASIA: A FACTOR OF MEDIATIZATION

Aman Saliev

The article analyzes the impact of mediatization of extremist groups' violent actions on the level of involvement of citizens of the Central Asian republics in these actions. The relevance of the work is dictated by the marked reduction in the number of recruited Central Asians into the ranks of extremists in comparison with the period of activity of Islamic State terrorist organization in the 2010s against the background of curtailing its presence in the information space while the quality of life of most of the region's population maintains at the same level. The article provides arguments in favor of the fact that mediatization acts as a trigger for actualization for individuals of their personal crises related to factors of social obstruction and injustice, which become especially important in the context of labor migration, since migrants are often deprived of traditional support from family and relatives and react particularly acutely to problems with employment or lack of family implementation. In turn, in Central Asian countries, for certain believers, a sore point is the securitization of their appearance, which is classified as an indicator of their commitment to radical ideas against the background of widespread corruption in government agencies and limited opportunities to improve their living conditions. Being influenced by emotionally colored extremist narratives that appeal to these problems, individuals see violence as the only mechanism for solving them. In this regard, the Islamic creed acts as a justification for this violence, which is due to two factors. First, the religious education characterizes a small number of recruits and indicates socio-psychological factors contributing to the attractiveness of an extremist emotional message for them as opposed to a conscious choice based on familiarity with religious literature. Secondly, the results of social surveys conducted in the Central Asian countries indicate that there is no public demand for the establishment of a theocratic state and a clear idea of how it should be organized, which correlates with a low level of terrorist activity in the region.

Keywords: mediatization, Islamization of radicalism, violent extremism, terrorism, social obstruction, social injustice, Central Asia

For citation: Saliev A. Actualization of Violent Extremism in Central Asia: a Factor of Mediatization. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 98–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-098-107

Введение

Дискурс об исходящих из стран Центральной Азии угрозах насильственного экстремизма и терроризма под лозунгами ислама в целом коррелирует с академическим нарративом американского политолога С. Хантингтона, который вывел каузальную связь между процессами исламского возрождения и радикальной политизацией ислама, основываясь на утверждении о ригидном, недемократичном, антизападном характере самого исламского вероучения [Huntington, 1993, p. 32]. Соответственно, политизация ислама в его интерпретации предполагает неизбежность антиправительственных действий, подрыва общественного порядка, поддерживаемого светским государством.

Данный нарратив транслируется в той или иной форме в научном и медиа сообществах, несмотря на его слабую доказательную базу. В частности, в исследовании Э. Лемона, В. Мироновой и У. Тобей приводится ряд распространенных клише о Центральной Азии как о регионе, из которого исходит «реальная» международная террористическая угроза, регионе, представляющем собой «растущий источник терроризма» и «благоприятную почву» для вербовки [Lemon, Mironova,

Tobey, 2018, p. 9]. В этом же контексте составлено несколько отчетов Международной кризисной группы, основанных на утверждении о наличии каузальной связи между ростом интереса населения к исламским ценностям и вероучению, с одной стороны, и радикализацией, с другой, раскрытых группой западных специалистов по Центральной Азии². Одним из центральных аргументов экспертов в этом отношении выступает небольшое количество насильственных действий экстремистских группировок под лозунгами ислама на территории государств Центральной Азии, с одной стороны, и сохранение региональной стабильности в условиях возникающих массовых протестов и конфликтов — гражданская война в Таджикистане, Андижанские события, неконституционные смены власти в Кыргызстане, с другой стороны [Montgomery, Heathershaw, 2016, p. 192].

Обозначенные противоречия между создаваемым информационным образом Центральной Азии и фактическим положением дел обусловили целесообразность выявления наличия корреляционной связи между медиатизацией деструктивной активности экстремистских группировок и ростом числа их последователей в Центральноазиатском регионе. В статье обосновывается тезис о том, что причины вовлечения граждан центральноазиатских республик в насильственные действия экстремистских группировок обусловлены внутренними социально-психологическими факторами, которые актуализируются на индивидуальной основе медиатизацией этих действий. Под медиатизацией понимается процесс предания средствами массовой информации событиям статуса медиа-фактов, формирующих и поддерживающих информационную повестку дня [Дзялошинский, Дзялошинская, 2021, с. 32, 34]. Соответственно, медиатизация насильственного экстремизма и терроризма как в контексте СМИ, которые интерпретируют экстремизм и терроризм как проблему, так и медиаканалов экстремистов, которые призывают к насильственным действиям, актуализирует эти темы в публичном дискурсе и обуславливает интерес к ним у населения.

Обоснование выдвинутого тезиса выстраивается на трех аргументах, определяющих структуру статьи. Во-первых, пиковые показатели вербовки граждан центральноазиатских республик в ряды экстремистских группировок в Сирию и Ирак коррелируют с периодом как активной информационной деятельности Исламского государства (ИГ), манипулировавшего нарративами героизации экстремистов, восстанавливающих справедливость, так и СМИ, обличающих террористический, противозаконный характер действий группировок. Во-вторых, как сами экстремисты-вербовщики, так и рекрутируемые граждане центральноазиатских республик в своем большинстве не имели исламского образования, что указывает на эмоциональную, психологическую аттрактивность исламистских месседжей, а не рациональную целесообразность. В-третьих, завербованные в экстремистские группировки граждане составляют небольшой процент от общей численности населения стран Центральной Азии, что свидетельствует о преувеличении в медийном пространстве масштаба угроз терроризма и экстремизма, исходящих из региона.

Медиатизация как фактор актуализации угроз радикализации, ведущий к насильственному экстремизму и терроризму в Центральной Азии

Важность медиатизации деятельности экстремистов и террористов с точки зрения последующего роста интереса к их идеям у отдельных индивидов была установлена, в частности, по результатам двух исследований, проведенных в 2021 г. группой исследователей по вопросам нарративов, транслируемых экстремистскими группировками, и особенностей их восприятия. Так, для большинства респондентов из центральноазиатских республик новостные передачи по телевидению

---

² Understanding Islamic Radicalization in Central Asia (UPDATED). 20.01.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/> (дата обращения: 20.09.2024).

выступают достоверным источником информации³. В свою очередь, новостные сообщения зачастую выступали триггером первоначального интереса у индивидов к тому, что происходит на Ближнем Востоке. В попытках найти объяснение этим процессам они сталкивались с экстремистскими интерпретациями с эмоциональными составляющими⁴.

Вместе с тем знакомство с экстремистскими нарративами не является обязательным условием вовлечения в экстремистские группировки. Индивиды, подверженные деструктивному информационному воздействию, имеют ряд социально-психологических характеристик, которые мотивируют их совершать акты насилия. Более того, в каждом отдельном случае мотивация формируется уникальным комплексом таких характеристик⁵.

Большинство завербованных переживают психологические травмы и личностные кризисы, связанные с социальной обструкцией, которая зачастую актуализируется в условиях трудовой миграции. Как показал опрос, большинство возвратившихся из Сирии граждан, содержащихся в пеницинарных учреждениях Кыргызстана, было завербовано во время трудовой миграции в России, Турции и Республике Корея⁶. Потеря работы, распад брака, несбывшиеся карьерные ожидания, дискриминация и т. д. в условиях отсутствия или редуцирования значимости социальных, прежде всего семейных, связей обуславливают уязвимость отдельных индивидов перед группами, которые могут предложить альтернативную жизнь, групповую принадлежность и сеть поддержки [Tucker, Lemon, 2019, p. 24]. Это касается как самих мигрантов, так и их детей, оставшихся без внимания на родине и вынужденных самостоятельно решать свои проблемы, не имея при этом внутренних ориентиров, определяющих процесс их самореализации. Их положение созвучно с положением мигрантов второго поколения в европейских городах, для которых характерна декультурация, проявляющаяся в неприятии ценностных кодов как своих родителей, так и европейского общества и обуславливающая их восприимчивость к экстремистскому месседжу в попытке самореализации [Roу, 2017, p. 25].

Другим фактором уязвимости перед экстремистским дискурсом выступает испытываемое чувство несправедливости, что детерминирует желание индивидов исправить ситуацию, а также привлечь к себе внимание и повысить самоуважение. Несправедливость может быть связана с условиями жизни как в трудовой миграции, так и на родине. В первом случае тяжелые условия труда на фоне проявляемой нетерпимости со стороны местного населения и личных, семейных проблем могут выступить триггерами к радикализации и вовлечению в экстремистские группировки для небольшой части мигрантов [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, p. 14].

В случае несправедливости на родине двумя важными факторами являются коррупция и секьюритизация ислама. Коррупция понимается как использование служебного положения

---

³ Радикализм онлайн: анализ смыслов, идей и ценностей насильственного экстремизма в Центральной Азии. Бишкек, 2021 [Radicalism Online: An Analysis of the Meanings, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/radru> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. CAP Paper. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

государственными служащими для получения финансовой выгоды за счет населения⁷ на фоне сокращения социальной поддержки со стороны государства и ограниченных возможностей социального роста и улучшения экономического положения [Tucker, Lemon, 2019, p. 24]. В свою очередь, секьюритизация ислама на уровне как государства, так и социума выстраивается на основе распространенных клише о взаимосвязи типа объективации религиозности (чаще всего ношение хиджаба или бороды) и склонности индивида к радикальным взглядам [Tulebaeva, 2017, p. 97]. Данные упрощенные категории не отражают сложности исламского поля центральноазиатских республик и зачастую усугубляют проблему [Жусипбек, 2017, с. 104–105]. В категорию экстремистов на основе применения обобщенных критериев и стереотипов, основанных на внешних признаках, попадают непричастные к ним граждане. Многие из тех, кто участвовал в боевых действиях на Ближнем Востоке, указывают на жесткие ограничения религиозных свобод и предвзятое отношение правоохранительных органов в качестве фактора, повлиявшего на их решение уехать [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, p. 15], испытывая сильное чувство несправедливости, осознавая необходимость смены политического порядка и оправдывая насильственный экстремизм.

Именно этими нарративами справедливости, оказания социальной поддержки и противодействия коррупции манипулируют экстремисты в своих информационных кампаниях в контексте исламской альтернативы секулярному государству и процветания при следовании исламскому образу жизни [Seifert, 2012, p. 10]. Ввиду этого наиболее распространенным дискурсом месседжей экстремистов выступают страдания женщин и детей. С точки зрения обозначенных факторов радикализации сознания данный нарратив выстраивается на лично испытанных индивидами фактах несправедливости, обуславливающих стремление либо защитить обиженных, либо обрести чувство значимости и стать героями. Другой нарратив нацелен на манипулирование чувством социальной обструкции и связан с описанием новой жизни в условиях «исламского государства», характеристиками которой выступают коллективная идентичность, упорядоченная и предсказуемая жизнь со стабильной заработной платой и социальным обеспечением [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, pp. 14–15].

Факторы, которые десять лет назад привели к мобилизации граждан центральноазиатских республик на боевые действия на Ближний Восток, сохранились, но масштабы вербовки значительно сократились [Tucker, Lemon, 2019, pp. 20–22]. Отчасти это объясняется тем, что террористические группировки во главе с ИГ потеряли территорию, на которой должны были быть реализованы транслируемые представления об идеальной жизни в «исламском государстве», что обусловило меньший общественный резонанс. Даже предпринимаемые попытки восхваления успехов Талибана в установлении своего правления в Афганистане как альтернативного демократии западного образца и наилучшей социальной модели для государств Центральноазиатского региона не обеспечивают охват широкой аудитории. Вместе с тем сократилось и присутствие экстремистского дискурса в информационном поле. Если во время сирийского конфликта видеоролики о вербовке на узбекском и таджикском языках иногда охватывали аудиторию более миллиона человек по нескольким сотням идентифицированных каналов, то на сегодняшний день существует не более нескольких десятков каналов на обоих языках, которые охватывают резко сократившуюся общую аудиторию [Tucker, Lemon, 2019, p. 22].

Таким образом, двумя главными факторами, которые обуславливают уязвимость ряда граждан центральноазиатских республик к восприятию экстремистских дискурсов, выступают социальная обструкция и несправедливость. Медиатизация насилия как декларируемого способа решения

---

⁷ Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. CAP Paper. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

проблем как официальными СМИ в негативном контексте, так и самими экстремистскими группировками в положительном аспекте актуализирует данные факторы для отдельных индивидов, определяя их интерес к насильственным действиям как механизму решения либо личных проблем, либо общественных, что может быть мотивировано либо чувством альтруизма, либо стремлением к социализации, либо поиском возможности самореализации.

Недостаток религиозных знаний как предпосылка к инкорпорированию в экстремистские группировки

В пользу аргумента о медиатизации действий экстремистских группировок как о триггере к вовлечению в них отдельных индивидов свидетельствует и факт того, что большинство завербованных, как правило, не имеют религиозного образования. Следовательно, их поведение обусловлено не рациональными мотивами и четкими представлениями о справедливом обществе и государстве, функционирующих на основе религиозных норм, а психоэмоциональными порывами, которыми манипулируют экстремистские группировки.

Согласно О. Руа, ошибочными являются попытки определить идеологический, содержательный корпус экстремистского меседжа и противопоставить его «умеренному исламу» [Roy, 2017, p. 41]. Если теология предполагает интерпретацию священных текстов в контексте всеохватывающего дискурса, который отделяет религиозные догмы от эмоций и фантазий, то фокус экстремистов — не на вероучении, а на религиозности как способе «ощущения» религии, которая включает в себя теологию, религиозные практики, утопичные представления [Roy, 2017, p. 42]. Используемые экстремистами рандомные выдержки из священных книг играют роль оправдания насилия. Для тех, кто стремится к самореализации через насилие, книги не играют роли в контексте радикализации — они быстро усваивают упрощенную концепцию «добро против зла», в которой верующие противопоставляются неверующим [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, pp. 15–16].

На факторе религиозной неграмотности акцентируют внимание как западные, так и отечественные специалисты. Согласно базе данных, составленной М. Сейджманом в начале 2000-х гг. на основе различных источников, включая протоколы судебных заседаний, СМИ, записи разговоров и переписку, большинство из 500 включенных в эту базу террористов стали религиозными в результате самообразования, в основе которого лежало следование религиозным практикам, а не познание основ исламского вероучения. Только 13% из них посещали медресе [Sageman, 2006, pp. 51–52]. Схожие результаты были получены исследователями в Кыргызстане в 2021 г.: из опрошенных ими 38 индивидов, вернувшихся из зон боевых действий на Ближнем Востоке и отбывавших срок заключения в пенитенциарных учреждениях Кыргызстана, только у одного было религиозное, теологическое образование в противовес культурно-обрядовым знаниям большинства, которые воспринимались ими как часть их культурных традиций⁸. В обоих исследованиях подчеркивается, что религиозное образование выступает фактором, предотвращающим вступление индивидов в террористические организации. Это обусловлено тем, что носители религиозных знаний помогают обращающимся к ним за советом понять деструктивный дискурс экстремистских группировок, построенный в контексте упрощенной бинарности добра и зла [Tucker, Lemon, 2019, p. 23].

Таким образом, вовлекаемые в экстремистские группировки, как правило, не имеют религиозного образования, которое закладывает основы критического мышления, и структурированного

⁸ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

представления о механизмах имплементации и функционирования исламского государства. Социальная несправедливость и обструкция обуславливают восприятие отдельными индивидами экстремистских нарративов, авторитетность которым придается вырванными из контекста цитатами из священных книг. Отсутствие стройной идеологической канвы, определяющей жизненные цели вербуемых, определяет представление насилия в качестве единственного способа достижения утопичного идеального государственного устройства.

Мифологизация масштаба угрозы исламизации радикализма в Центральной Азии

Исходя из проведенного анализа факторов вовлечения граждан республик Центральной Азии в экстремистские группировки, используемых последними нарративов для вербовки новых adeptов, а также роли исламского образования в восприятии экстремистского месседжа, представляется целесообразным использовать термин, введенный О. Руа, — исламизация радикализма [Роу, 2017, р. 43] для характеристики использования ислама в целях оправдания насилия, поскольку он позволяет провести разграничения между комплексным исламским вероучением и инструментализацией отдельных, взятых вне контекста положений этого вероучения.

Масштаб угрозы исламизации радикализма в республиках Центральной Азии в медиа зачастую преувеличивается. На это указывают два момента. Во-первых, из ЦА было завербовано 4000 сторонников ИГ (5–10% от всего количества завербованных со всего мира) в период активной фазы деструктивной деятельности группировки на фоне непропорционально низкого числа террористических актов, совершенных в регионе [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, р. 6]. Согласно данным Global Terrorism Database, количество террористических актов в пяти центральноазиатских республиках с 1970 по 2020 г. составило 326, что резко контрастирует с данными по Европе, включая восточноевропейские и западноевропейские страны, — 22654 кейса⁹.

Во-вторых, в республиках отсутствует протестный потенциал, связанный с запросом на установление исламского государства. Согласно результатам исследования К. Коллинз и Э. Оуэн, критика их респондентами в Кыргызстане «светской демократии» за «вседозволенность» и «моральную деградацию» и противопоставление ее «исламской демократии» с применением норм шариата в законодотворчестве, тем не менее, не исключает института выборов и предполагает недопущение исламских духовных лиц к системе государственного управления [Collins, Owen, 2012, р. 501]. В количественном отношении число тех, кто поддержал данную «исламскую демократию», составило всего 28,6% всех опрошенных. Вместе с тем 50,1% респондентов негативно оценили идею установления халифата — «классического исламского государства» времен пророка Мухаммеда [Collins, Owen, 2012, р. 507]. Данные результаты можно интерпретировать как запрос населения на социальную справедливость, гарантируемую государством посредством следования госслужащими исламским принципам, а не на установление режима теократии.

В последующем опрос, проведенный Д. Монтгомери и Дж. Хизершоу, подтвердил релевантность и расширил значение данных результатов. Так, согласно полученным ими результатам, большинство граждан Центральной Азии не имеют представления об основополагающих идеях политического ислама. В частности, они не знакомы с трудами ведущего богослова египетского движения «Братья-мусульмане» Сайида Кутба, но хорошо знают таких исламских ученых, как Мухаммад аль-Бухари и Ибн Сина: с первым в контексте того, что он был собирателем хадисов, со вторым — по его книгам о лекарствах, что свидетельствует о светском характере общественного дискурса в Центральной Азии, в котором ислам является источником культуры, истории, общественных

⁹ Global Terrorism Database. 2024. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 20.10.2024).

нравов и морального поведения [Montgomery, Heathershaw, 2016, p. 204]. Иными словами, люди исповедуют ислам, опираясь в большей мере на индивидуальные эмоциональные ощущения, чем на знание его основ, а основным трендом исламского возрождения выступает углубление благочестия [Seifert, 2012, p. 13].

Масштабная политическая мобилизация людей для поиска решений социальных вопросов под лозунгами ислама нехарактерна для стран региона. Люди, наоборот, дистанцируются от государства, формируя сообщества солидарности на основе исламских ценностей общественного блага и сострадания в противовес доминирующим символическим ценностям рыночной экономики с ее социальной поляризацией и коммерциализацией общественных отношений [Satybaldieva, 2015, pp. 137–138]. В данных сообществах восприятие собственной религиозности происходит через моральные обязательства оказывать помощь нуждающимся, делиться богатством и заботиться о друзьях и близких [Montgomery, 2015, p. 46]. Как отмечает Э. Макглинчи, «исламистская оппозиция» — это не то, что ищут граждане у имамов [McGlinchey, 2009, p. 25]. К исламским священнослужителям обращаются прежде всего за советом для урегулирования сложных жизненных ситуаций и регламентации своего должного с точки зрения религии поведения в этих ситуациях [Hözlchen, 2024, p. 749].

Ряд исследователей указывают на формирование в Центральной Азии мусульманского гражданского общества, агентами которого выступают муфтияты, мечети, медресе, *джамааты*, *махалли*, благотворительные фонды и НПО, оказывающие социально-психологическую и экономическую помощь верующим в контексте исламских ценностей. Особенность их функционирования состоит в том, что они не являются генераторами политически активных граждан, выступающих оппонентами государства, а мотивируют верующих к самосовершенствованию, посредством которого возможно установить хорошо управляемое государство¹⁰.

Более того, объединенное политическое движение против властей невозможно без чувства солидарности мусульман. В настоящее время исследователи отмечают размежевание исламского поля в странах Центральной Азии по линии восприятия религиозности. Для одних исламская религиозность является частью национальных традиций, для других она должна быть вне контекста национальных паттернов [Biard, 2010, p. 328]. Отношения между данными группами не характеризуются непреодолимыми противоречиями и не имеют насильственного измерения, но вместе с тем не позволяют обеспечить политическую мобилизацию на основе ислама. Следовательно, в Центральной Азии отсутствует социальная база для масштабной исламизации радикализма.

Заключение

Таким образом, вовлечение отдельных граждан центральноазиатских республик в экстремистские группировки обусловлено прежде всего социально-психологическими проблемами, связанными с факторами переживаемой ими социальной обструкции и несправедливости. Актуализация значимости данных факторов происходит через медиатизацию действий экстремистских группировок: чем масштабнее данная медиатизация, тем большее количество людей становятся адептами насилия. В своих действиях они руководствуются не знаниями исламского вероучения, а эмоциональными факторами. Исламское вероучение и исламская религиозность не являются самостоятельными драйверами протестной мобилизации в контексте реализации насильственных действий, а используются для оправдания последних. При этом радикально настроенные индивиды

---

¹⁰ Peyrouse S., Nasritdinov E. Engaging with Muslim Civil Society in Central Asia. Components, Approaches, and Opportunities. *Peaceworks*. 2021. No. 181. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/12/engaging-muslim-civil-society-central-asia-components-approaches-and> (дата обращения: 10.10.2024).

не представляют собой организованную общественную силу в регионе. Результаты исследований свидетельствуют о существующей общественной неудовлетворенности моральным обликом политических лидеров, которая выступает триггером к дистанцированию от государства. В республиках отсутствуют социальный запрос и интеллектуальная база для превращения политического ислама в идеологическую основу массовой мобилизации граждан.

Литература / References

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Медиатизация социальной сферы. *PR и СМИ в Казахстане*. Сборник научных трудов. Вып. 9. Алматы, 2015. С. 31–40 [Dzyaloshinsky I. M., Dzyaloshinskaya M. I. The Social Sphere of Mediatization. *PR and Mass Media in Kazakhstan*. Collection of Articles. Issue 9. Almaty, 2015. Pp. 31–40 (in Russian)].

Жусипбек Г. Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости. *Центральная Азия — 25: мысли о прошлом, проекция будущего*. Сборник эссе из Центральной Азии. / Под ред. М. Ларюэль и А. Курмановой. Вашингтон, 2017. С. 102–108 [Zhusipbek G. Political Islam in Central Asia after 25 Years of Independence. *Central Asia — 25: Thoughts about the Past, Projection of the Future*. A Collection of Essays from Central Asia. Eds. M. Laruel and A. Kurmanova. Washington, 2017. Pp. 102–108].

Biard A. The Religious Factor in the Reification of ‘Neo-Ethnic’ Identities in Kyrgyzstan. *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38. No. 3. Pp. 323–335.

Collins K., Owen E. Islamic Religiosity and Regime Preferences: Explaining Support for Democracy and Political Islam in Central Asia and the Caucasus. *Political Research Quarterly*. 2012. Vol. 65. No. 3. Pp. 499–515.

Huntington S. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. 1993. No. 72. Pp. 22–49.

Hölzchen J. M. Mosque Lives. *The Central Asian World*. Eds. J. F. de la Croix and M. Reeves. London and New York, 2024. Pp. 747–760.

Lemon E., Mironova V., Tobey W. Jihadists from Ex-Soviet Central Asia: Where Are They? Why Did They Radicalize? What Next? *Russia Matters Research Paper*. 2018.

McGlinchey E. Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan. *Problems of Post-Communism*. 2009. Vol. 56. No. 3. Pp. 16–28.

Montgomery D., Heathershaw J. Islam, Secularism and Danger: A Reconsideration of the Link between Religiosity, Radicalism and Rebellion in Central Asia. *Religion, State and Society*. 2016. Vol. 44. No. 3. Pp. 192–218.

Montgomery D. Islam beyond Democracy and State in Kyrgyzstan. *Central Asian Affairs*. 2015. No. 2. Pp. 35–50.

Roy O. *Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State*. New York, 2017.

Sageman M. *Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century*. Philadelphia, 2008.

Seifert A. C. Political Islam in Central Asia — Opponent or Democratic Partner? *CORE Working Paper*. November 2012. No. 25.

Satybaldieva E. Why Class Matters in Kyrgyzstan. Everyday Experiences, Moral Sentiments, and the Politics of the Poor. *Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State” Social and Political Changes in a Post-Soviet Society*. Eds. M. Laruelle and J. Engvall. Lanham, 2015. Pp. 122–146.

Tucker N., Lemon E. A ‘Hotbed’ or a Slow, Painful Burn? Explaining Central Asia’s Role in Global Terrorism. *CTC Centinel*. July-August 2024. Pp. 20–25.

Tulebaeva B. In Search of the Good Life. Value Conflicts and Dilemmas in the Practice of Islam in Kochkor, Kyrgyzstan. *RessourcenKulturen. No 4. Approaching Ritual Economy. Socio-Cosmic Fields in Globalized Contexts*. Ed. Roland Hardenberg. Tubingen Univ. Press, 2017. Pp. 71–104.

Электронные ресурсы / Electronic Resource

Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I., Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

Радикализм онлайн: анализ смыслов, идей и ценностей насильственного экстремизма в Центральной Азии. Бишкек, 2021 [Radicalism Online: An Analysis of the Meanings, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/radru> (дата обращения: 10.10.2024).

Global Terrorism Database. 2024. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 20.10.2024).

Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. *CAP Paper*. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

Peyrouse S., Nasritdinov E. Engaging with Muslim Civil Society in Central Asia. Components, Approaches, and Opportunities. *Peaceworks*. 2021. No. 181. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/12/engaging-muslim-civil-society-central-asia-components-approaches-and> (дата обращения: 10.10.2024).

Understanding Islamic Radicalization in Central Asia (UPDATED). 20.01.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/> (дата обращения: 20.09.2024).